

Блаженнаго Августина Энхиридіонъ Лаврентію или о вѣрѣ, надеждѣ и любви ¹⁾).

Глава I. *Пожеланіе Лаврентію дара истинной премудрости.* Трудно сказать, любезнѣйшій сынъ Лаврентій, насколько я восхищаюсь твоею любознательностью, какъ желаю, чтобы ты былъ мудрымъ: не изъ числа тѣхъ мудрецовъ, о которыхъ говорится: „*гдѣ мудрецъ? гдѣ книжникъ? гдѣ совопросникъ въка сего? Не обратилъ-ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе*“ (1 Кор. 1, 20), но изъ числа тѣхъ, о которыхъ написано: „*множество мудрыхъ—спасеніе міру*“ (Прем. 6, 26) и каковыми желаетъ видѣть своихъ слушателей апостолъ: „*желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло*“ (Рим. 16, 19). (Какъ самъ собою никто не можетъ произойти; такъ самъ собою никто не можетъ и стать мудрымъ, но съ помощью Того Просвѣтителя, о Которомъ написано „*всякая премудрость отъ Господа*“ (Прем. Ис. Сир. 1, 1).

Глава II. *Человѣческая премудрость, благочестіе.*—Человѣческая-же мудрость есть благочестіе. Это видно изъ книгъ св. Іова: тамъ говорится, что сама Премудрость сказа-

¹⁾ Энхиридіонъ (Enchiridion)—рукоятка, ручка, книга, которую удобно держать въ рукахъ; руководство, справочная книга.

Блаж. Авг. Энхиридіонъ.

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА.

ла человѣку: „*вотъ благочестіе есть премудрость*“ (Іов. 28, 28). Если-же ты спросишь о какомъ благочестіи говорить она въ этомъ мѣстѣ, то яснѣе узнаешь изъ греческаго θεοσεβειαν, что значить почитаніе Бога. Называется по-гречески благочестіе и иначе, именно εὐσεβεία, каковымъ названіемъ обозначается хорошій образъ жизни, хотя и оно указываетъ преимущественно на почитаніе Бога. Лучше-же вѣтъ того имени, какимъ ясно выражено почитаніе Бога, когда оно названо человѣческою премудростью. Ты объ иномъ-ли чемъ-нибудь просишь сказать тебѣ, когда говоришь: „пусть о многомъ будетъ сказано, но кратко“? Или можетъ быть желаешь имѣть краткое изложеніе именно того, какъ нужно почитать Бога?

Глава III. *Почитаніе Бога вѣрою, надеждою и любовью.*—Если я отвѣчу здѣсь, что Бога нужно почитать вѣрою, надеждою, любовью; то ты, вѣроятно, замѣтишь, что это сказано короче, чѣмъ ты желалъ-бы, и потому снова просишь объяснить тебѣ все относящееся къ этимъ тремъ въ отдѣльности: во что именно должно вѣрить, на что нужно надѣяться, что любить. А когда я это сдѣлаю, то здѣсь будетъ все то, о чемъ ты просишь въ своемъ письмѣ: именно, чтобы одно, если будешь имѣть у себя копіи, ты легко могъ-бы повторить и перечитать, другое—снова изучать въ моей передачѣ.

Глава IV. *Вопросы Лаврентія. Ответы Августина.*—По твоимъ словамъ ты желаешь, „чтобы я написалъ для тебя книгу, которую ты имѣлъ-бы (какъ говорягъ) ἐπιπίδιον'омъ (ручною книгою) и которую могъ-бы всегда носить съ собою; (книгу), содержащую основныя требованія, т. е. чему прежде всего должно слѣдовать и чего, главнымъ образомъ, по причинѣ разныхъ ересей, нужно избѣгать; насколько разумъ имѣетъ значеніе для религіи, хотя бы въ чемъ-нибудь между разумомъ и вѣрою и не было согласія; что находится въ началѣ, что—въ концѣ, въ чемъ—сущность

всего исповѣданія вѣры, каково истинное и единственное основаніе католической вѣры. Все то, о чемъ ты спрашиваешь, ты, безъ сомнѣнія, будешь знать; ты точно будешь знать, во что должно вѣрить, на что нужно надѣяться, что любить. А это и есть главнѣйшее, даже единственное, чего нужно держаться въ религіи. Всякій, кто не согласенъ съ этимъ, или совсѣмъ чуждъ имени Христа, или еретикъ. Определить это существо католической вѣры нужно рациональнымъ путемъ,—или при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ или при помощи нашей мыслительной способности. А относительно того, что не могло быть и не можетъ быть постигнуто нами ни опытно, ни разумомъ, нужно вѣрить безъ всякаго сомнѣнія свидѣтелямъ, оставившимъ писанія, уже удостоившіяся наименованія Божественныхъ: по вдохновенію свыше они могли видѣть это и даже предвидѣть, созерцаи или тѣлесными очами, или духовно.

Глава V. *Отвѣтъ на 3 и 4 вопр.*—Наученный начаткомъ вѣры, любовью вспомооществуемой, разумъ при хорошей жизни достигаетъ даже видѣнія, гдѣ святымъ и совершеннымъ сердцамъ становится извѣстной неизреченная красота, полное созерцаніе которой есть высшее блаженство. Это и есть, безъ сомнѣнія, то, о чемъ ты спрашиваешь: „что въ началѣ и что въ концѣ находится“: начинаютъ вѣрою, оканчиваютъ видѣніемъ. Последнее есть сущность всего исповѣданія (вѣры). Истинное-же и единственное основаніе католической вѣры есть Христосъ: „ибо никто не можетъ положить другого основанія“, говоритъ апостоль, „кромѣ положеннаго, которое есть Исусъ Христосъ“ (1 Кор. 3, 11). И не нужно, поэтому, отрицать, что это есть единственное основаніе католической вѣры, такъ какъ можно подуматъ, что мы согласны съ какими-нибудь еретиками. Вѣдь, поскольку рѣчь идетъ о Христѣ, то по имени Христа находится у какихъ угодно еретиковъ, называющихъ себя христианами; на самомъ-же дѣлѣ Его у нихъ нѣтъ. Подробно говорить объ этомъ слишкомъ

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.

долго: нужно вновь изложить всё существовавшія, настоящія и могущія быть съ именемъ христіанскихъ еретическихъ системы и рассмотретьъ по порядку, насколько каждая изъ нихъ соотвѣтствуетъ истинѣ. Подобное изслѣдованіе составило-бы столько томовъ, что имъ, кажется, не было-бы и конца.

Глава VI. *То, что легко можетъ быть взято рукою.* — Ты-же просишь у насъ ephiridion, т. е. „то, что не требовало-бы для своего помѣщенія цѣлые шкафы, а что могло-бы быть взято рукою“. Итакъ, возвращаясь къ отмѣченнымъ нами тремъ способамъ Богопочитанія, къ вѣрѣ, надеждѣ, любви, легко указать, во что должно вѣрить, на что нужно надѣяться, что нужно любить; защититься-же отъ превратныхъ толкованій инако мыслящихъ можно только въ подробномъ и требующемъ большого усилія изслѣдованіи. Чтобы овладѣть этимъ изслѣдованіемъ недостаточно имѣть въ рукѣ эвхиридїонъ, а требуется напряженная работа груди.

Глава VII. 2. *Символь и молитва Господня выражаютъ вѣру, надежду и любовь.* — Вотъ ты имѣешь Символь и молитву Господню; что короче слушать или читать? Что легче усвоится памятью? Когда вслѣдствіе грѣха родъ человѣческій угнетенъ былъ тяжелою скорбью и нуждался въ Божественномъ милосердіи, пророкъ, предсказывая время милости Божіей, говоритъ по поводу этой молитвы: „и будетъ всякій кто призоветъ имя Господне, спасется“ (Иоиль 2, 32). А апостоль, когда при сообщеніи о самой милости приводитъ вновь это пророческое свидѣтельство, имѣя въ виду Символь, непосредственно добавляетъ: „Но какъ призывать Того, въ Кого не увѣрвали?“ (Рим. 10, 14). Въ этихъ двухъ (изреченіяхъ) обрати вниманіе на тѣ три: вѣра вѣритъ, надежда и любовь молятся. А такъ какъ надежда и любовь не могутъ быть безъ вѣры, то тѣмъ самымъ и вѣра молятся. Поэтому, конечно, и сказано: „какъ призывать Того, въ Кого не увѣрвали?“.

Глава УШ. *Общее изъясненіе вѣры, надежды и любви и ихъ соотношеніе.*—Нельзя надѣяться на то, во что не вѣрять. Вѣрять-же можно и въ то, на что не надѣются. Кто изъ вѣрующихъ не вѣритъ въ наказаніе нечестивыхъ? Однако не надѣется; и кто-бы ни вѣрилъ въ то, что это наказаніе угрожаетъ ему, кто-бы ни содрагался мимолетнымъ душевнымъ волненіемъ, о немъ правильнѣе сказать, что онъ боится, чѣмъ надѣется. Нѣкто, различая эти два (состоянія), говоритъ: „да позволено будетъ боящемуся надѣяться“ (Лукавъ. Pharsalia кн. 2, ст. 15). Другимъ-же поэтось въ переносномъ смыслѣ, но лучше сказано: „если-бы я могъ такъ надѣяться на это мученіе“ (Виргилій. Энеида кн. 4, ст. 419). Наконецъ, нѣкоторые пользуются въ грамматикѣ этимъ словомъ въ качествѣ примѣра для указанія оборота рѣчи съ переноснымъ смысломъ и говорятъ: онъ сказалъ *надѣяться* вмѣсто бояться. Итакъ, существуетъ вѣра и въ дурное и въ хорошее, такъ какъ и то и другое можетъ быть предметомъ вѣры; сама-же вѣра—добрая, а не дурная. Существуетъ также вѣра и въ прошедшее, и въ настоящее, и въ будущее. Мы вѣримъ, что Христось умеръ, это уже—прошедшее; вѣримъ, что сидитъ Онъ одесную Отца, это—настоящее; вѣримъ, что придетъ Онъ для суда, это—будущее. Бываетъ далѣе вѣра и въ свое и въ чужое. Каждый вѣритъ, что онъ началъ вѣкогда существовать и не былъ во всякомъ случаѣ вѣчнымъ (вѣрять, что имѣють начало во времени) и всѣ прочіе также, и все существующее; и не только мы вѣримъ во многое, относящееся къ другимъ людямъ, въ религіи мы вѣримъ во многое и относительно ангеловъ. Надѣяться-же можно только на доброе, только на будущее и только на того, кого считаютъ въ силѣ оправдать надежду. Въ виду этого вѣру нужно отличать отъ надежды какъ по различію названій, такъ и по смыслу. Вѣдь что касается недоступности непосредственному созерцанію предметовъ вѣры и надежды, то она у тѣхъ и другихъ одинакова. Въ послани

къ Евреямъ, каковымъ свидѣтелемъ пользуются славныя защитники католической вѣры, вѣра опредѣляется такъ: *„вѣра есть... увѣренность въ невидимомъ“* (Евр. 11, 1). Когда кто-нибудь говоритъ, что онъ повѣрилъ не словамъ, не свидѣтелямъ, не доказательствамъ какимъ-нибудь, а непосредственной очевидности предметовъ, т. е. говоритъ, что приспособилъ вѣру, онъ не настолько кажется неразумнымъ, чтобы тотчасъ можно было поймать его на словѣ и сказать ему: ты увидѣлъ, слѣдовательно, не повѣрилъ; ни откуда не слѣдуетъ, что каждый предметъ вѣры долженъ быть невидимъ. Мы же преимущественно имѣемъ въ виду ту вѣру, о какой учитъ Божественное Писаніе, т. е. вѣру въ невидимое. О надеждѣ тоже говоритъ апостоль: *„надежда, когда видить, не есть надежда, ибо если кто видить, то чего ему и надѣяться? Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи“* (Рим. 8, 24—25). Когда, слѣдовательно, мы вѣримъ, что насъ ожидаетъ хорошее будущее, то на это-же самое и надѣемся. Нужно-ли еще что-нибудь говорить о любви, безъ которой вѣра не имѣетъ никакого значенія? А надежда безъ любви и совѣтъ не можетъ быть. *„И бѣсы върують и трепещуть“*, говоритъ Апостоль Іаковъ (Іаков. 2, 19), однако не надѣются и не любятъ; точнѣе, они страшатся, когда вѣрятъ въ приближеніе того, что мы любимъ и на что надѣемся. Поэтому апостоль Павелъ одобряетъ и заповѣдуетъ вѣру, дѣйствующую любовью (Гал. 5, 6), которая, въ свою очередь, не можетъ быть безъ надежды. Слѣдовательно, нѣтъ любви безъ надежды, нѣтъ надежды безъ любви, нѣтъ и обѣихъ безъ вѣры.

Глава IX.—3. *Изъясненіе въ порядкѣ Символа предметовъ вѣры.*—Итакъ, когда спрашиваютъ, во что нужно вѣрить въ религіи, то не нужно изслѣдовать природу вещей, какъ поступаютъ тѣ, кого греки называютъ физиками: не слѣдуетъ безпокоиться, если христіанинъ не знаетъ чего-нибудь о силѣ и числѣ стихій, о движеніи, строѣ и затменіи

звѣздъ, о формѣ неба, о родахъ и породахъ животныхъ, растеній, камней, источниковъ, рѣкъ, горъ, объ измѣреніи пространства и времени, о признакахъ выдающихся бѣдствій, о многомъ другомъ, что физики или открыли, или думаютъ, что открыли: такъ какъ не сами все это изобрѣли они, отличающіеся такимъ разумомъ, пылающіе усердіемъ, изобилующіе свободнымъ временемъ, то изучающіе человѣческія предположенія, то изслѣдующіе историческіе опыты и въ тѣхъ открытіяхъ, которыми гордятся, многое скорѣе предполагающіе, чѣмъ знающіе. Для христіанина достаточно вѣрить, что причина тварей небесныхъ и земныхъ, видимыхъ и невидимыхъ заключается только въ благодати Творца, Который есть единый и истинный Богъ; вѣрить, что нѣтъ никакой природы, которая не была-бы Онъ Самъ или отъ Него; что Онъ есть Троица, а именно Отецъ, и Сынъ, отъ Отца рожденный и Духъ Святыи отъ того-же Отца исходящій, но одинъ и тотъ-же Духъ Отца и Сына.

Глава X. *Противъ манихейскаго ученія о происхожденіи зла.* Эту Троицею безконечно, равномѣрно и неизмѣнно благою сотворено все; сотворено не безконечно, не равномѣрно, не неизмѣнно благимъ, однако каждое твореніе въ отдѣльности также благомъ, въ цѣломъ-же весь міръ и всяма добрымъ (Быт. 1, 31); такъ какъ изъ всей совокупности составила удивительная красота вселенной.

Глава XI. *Почему Богъ допускаетъ существованіе зла.* Зло есть не что иное, какъ лишеніе добра.—Такъ называемое, зло, надлежаще упорядоченное и расположенное на своемъ мѣстѣ, сильнѣе отгѣняетъ добро для того, чтобы оно болѣе привлекало вниманіе и пріобрѣтало большую цѣнность чрезъ сравненіе съ зломъ. Всемогущій Богъ, Которому, по призванію даже невѣрующихъ принадлежитъ надъ всѣмъ верховная власть (Виргилій. Энеида кн. 10, ст. 100), хотя въ высшей степени благъ, никоимъ образомъ не позволилъ-бы, чтобы въ Его дѣлахъ было сколько-нибудь зла, если-бы не

былъ такъ всемогущъ и благъ, чтобы и изъ зла сдѣлалось добро. Что-же иное называется зломъ, какъ не недостатокъ добра? Какъ въ тѣлахъ живыхъ существъ болѣзни и раны вызываютъ только недостатокъ здоровья (и когда начинаютъ леченіе, заботятся не о томъ, чтобы вошедшее въ организмъ зло, т. е. болѣзни и раны, перешло въ другое мѣсто, но чтобы оно не существовало совсѣмъ; рана или болѣзнь не представляютъ самостоятельной субстанціи, а только поврежденіе тѣлесной субстанціи, тогда какъ тѣло есть сама субстанція, нѣчто дѣйствительно доброе, въ чемъ происходитъ зло, т. е. лишеніе добра, называемаго здоровьемъ), такъ существуютъ и нѣкоторыя поврежденія душъ, бываетъ лишеніе природнаго добра; по выздоровленіи ово (лишеніе) не переносится куда-нибудь, но то, что было въ данномъ случаѣ нигдѣ и не будетъ больше, если не будетъ въ самомъ здоровьѣ.

Глава XII.—4. *Все сотворено добрымъ, но такъ какъ добрымъ не безконечно, то подвержено порчѣ.* Итакъ всѣ природы (существа)—благы, такъ какъ Виновникъ ихъ всѣхъ—высочайше благъ, но вслѣдствіе того, что онѣ не такъ неизмѣнно благы, какъ Самъ Виновникъ ихъ, то по этому добро въ нихъ можетъ уменьшаться и увеличиваться. А уменьшеніе добра есть зло; хотя сколько-бы оно ни уменьшалось, непременно должно оставаться что-нибудь (если еще существуетъ природа), что составляетъ природу. И какова-бы и сколько мала ни была-бы природа, то добро, изъ котораго она состоитъ, не можетъ уменьшаться безъ уменьшенія ея самой. Справедливо, конечно, восхваляется неповрежденная (чистая) природа, но если-бы она стала не могущею совсѣмъ подвергнуться порчѣ, то была-бы, безъ сомнѣнія, еще болѣе прекрасной. Поскольку она подвержена порчѣ, постольку-же порча ея есть зло, потому что лишаетъ ее вѣ котораго добра; ибо если не лишаетъ никакого добра, не причиняетъ вреда, если-же причиняетъ вредъ, слѣдовательно отнимаетъ

добро. Итакъ, сколько-бы природа ни подвергалась порчѣ, въ ней есть добро, котораго она могла-бы лишиться: и поэтому, если что-нибудь въ природѣ останется, что уже не можетъ быть испорченнымъ, то она (природа) будетъ совершенно не могущей подвергнуться порчѣ, и этого величайшаго блага достигнетъ порчею. И если не перестанетъ подвергаться порчѣ, не перестанетъ также имѣть добро, какого могла-бы лишиться ее порча. А если она (порча) истребитъ природу всю и вполнѣ, то тогда не будетъ никакого добра, такъ какъ не будетъ никакой природы. Поэтому порча не можетъ уничтожить добро, кромѣ какъ съ уничтоженіемъ природы. Итакъ, всякая природа есть добро, большое добро, если не можетъ подвергаться порчѣ, если можетъ—малое; однако отрицать существованіе добра кромѣ какъ по неразумію или неопытности совершенно нельзя. Если оно истребляется порчей, то и сама порча не остается, такъ какъ нѣтъ никакой природы, въ которой она могла-бы существовать сама по себѣ.

Глава XIII. *Злымъ можетъ быть только доброе.*— Поэтому не было-бы совсѣмъ того, что называется зломъ, если-бы не было никакого добра. Но добро, лишенное всякаго зла, есть чистое добро, то же добро, въ которомъ находится зло, есть испорченное или худое добро; и гдѣ нѣтъ никакого добра, тамъ не можетъ быть и какого-нибудь зла. Отсюда происходитъ удивительная вещь: такъ какъ всякая природа, поскольку она—природа, есть добро, то когда говорятъ, что порочная природа есть злая природа, говорятъ, въ сущности, что добро есть то-же, что зло и зло есть то же, что—добро; ибо всякая природа—добро и никакая вещь не была-бы дурною, если-бы сама она не была природою. Слѣдовательно злымъ можетъ быть только нѣчто доброе. Хотя это представляется нелѣпостью, однако является неизбежнымъ выводомъ изъ всего разсужденія. Нужно только остерегаться, чтобы не подпасть подъ то пророческое изреченіе: *„горе тьмѣ, которые зло называютъ добромъ, и добро зломъ, тьму почи-*

таютъ светомъ, и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ, и сладкое горькимъ (Ис. 5, 20). Господь однако говоритъ: *„злой человекъ изъ злого сокровища сердца своего выноситъ злое“* (Мѣ. 12, 35). Что-же такое злой человекъ, какъ не дурная природа, такъ какъ онъ—природа? Если, да-дѣе, человекъ, потому что онъ—природа, есть нѣчто доброе, то что такое злой человекъ, какъ не худое добро? Однако, когда мы различаемъ то и другое, мы не потому считаемъ человека злымъ, что онъ—человекъ и добрымъ не потому, что онъ—порочный; но какъ человека считаемъ его добрымъ, и какъ порочнаго, злымъ. Слѣдовательно, кто считаетъ зломъ самое существованіе человека, или добромъ—порочность человека, тотъ именно и подпадаетъ подъ то пророческое изреченіе: *„горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ и добро зломъ“* Онъ порицаетъ твореніе Божіе—человѣка, и хвалитъ порокъ человека—его испорченность. Итакъ вся природа, хотя и порочная, поскольку есть природа—добра, а поскольку порочна, зла.

Глава XIV. *Добро и зло, хотя и противоположности, могутъ существовать вмѣстѣ и одновременно. Зло изъ добра и въ добръ.*—Поэтому къ противоположностямъ, называемымъ добромъ и зломъ, неприменимо діалектическое правило: двѣ противоположности вмѣстѣ нигдѣ не существуютъ. Никакой воздухъ не бываетъ вмѣстѣ и темнымъ, и свѣтлымъ, никакая пища или питье одновременно сладкой и горькой, никакое тѣло одновременно—бѣлымъ и чернымъ, ничто не можетъ быть одновременно безобразнымъ и красивымъ. И на многихъ, почти на всѣхъ противоположностяхъ наблюдается, что онѣ не могутъ быть одновременно вмѣстѣ. Такия-же безспорныя противоположности, какъ добро и зло, не только могутъ быть вмѣстѣ, но зло безъ добра и кромѣ какъ въ добръ совсѣмъ не можетъ существовать; хотя добро безъ зла можетъ. Человекъ или ангелъ можетъ не быть несправедливымъ, несправедливымъ же никто не можетъ быть, кро-

иѣ человѣка или ангела; и добро это—человѣкъ, добро—ангелъ, зло же—несправедливость. И эти двѣ противоположности такъ существуютъ вмѣстѣ, что если-бы не было добра, въ которомъ не было-бы зла, то зла не могло-бы быть совершенно: потому что порчѣ не только негдѣ было-бы существовать, но и не откуда было-бы возникнуть; подвергаться порчѣ можетъ лишь что-либо доброе и порча есть не что иное, какъ устраненіе добра. И такъ, зло произошло изъ добра и иначе какъ въ какомъ-нибудь добрѣ не существуетъ; и не было ничего другого, откуда могла-бы возникнуть какая-либо природа зла. Ибо если-бы она существовала, то поскольку она была-бы природой, была-бы, конечно, доброй: коль скоро природа эта не подвержена порчѣ, она была-бы большимъ добромъ, но даже и подверженная порчѣ природа была бы все-таки добромъ, уничтоженіемъ какового добра порча могла бы повредить ей

Глава XV. Однако когда мы говоримъ, что зло произошло изъ добра, пусть не подумаетъ кто-либо, что это противорѣчить изреченію Господа: *„не можетъ дерево доброе приносить плоды худые“* (Мѣ. 7, 18). Нельзя, такъ говоритъ Истина, собирать виноградъ съ терновника (Мѣ. 7, 16), потому что одно не можетъ происходить отъ другого; но изъ хорошей земли, мы видимъ, могутъ произрастать и виноградныя лозы и терновникъ. Точно также, хотя худое дерево хорошіе плоды не можетъ производить, т. е. злая воля не можетъ производить добрыхъ дѣла: но изъ доброй природы человѣка можетъ произойти воля добрая и злая; и другого источника злой воли кромѣ доброй природы ангела и человѣка не было совершенно. На это весьма ясно указалъ и Самъ Господь въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ говорилъ о деревѣ и плодахъ. Онъ говоритъ: *или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ* (Мѣ. 12, 33), говоритъ такъ, достаточно напоминая о томъ, что именно отъ хорошаго дерева худые

плоды или отъ худаго дерева хорошіе плоды не могутъ происходить, но изъ самой земли могутъ произрастать оба дерева.

Глава XVI.—5. *Имѣетъ ли отношеніе къ счастью человека познаніе причины вещей?* Въ виду сказаннаго, если намъ нравится стихъ Маронія: „счастливы кто счумѣлъ познать причины вещей“ (Георг. кн. 2, ст. 490), то мы не думаемъ, что для достиженія счастья важно знать причины многихъ движеній въ мірѣ, скрытыхъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ природы: „оттуда землетрясенія, какою силою возмущаются глубокія моря и, разламывая все встрѣчающееся на пути, снова сами собой утихаютъ“ (тамъ же, ст. 479—480); и прочее въ этомъ же родѣ. Намъ необходимо знать причины добрыхъ и злыхъ вещей (т. е. добра и зла) настолько, насколько возможно ихъ знать человѣку въ этой жизни, полной заблужденій и бѣдствій, для избѣжанія этихъ самыхъ заблужденій и бѣдствій. Естественно необходимо стремиться къ такому счастью, когда насъ не беспокоила бы никакая скорбь, когда мы были бы совсѣмъ свободны отъ ошибокъ. И если были бы извѣстны намъ причины движенія тѣлъ, то мы должны бы были прежде всего знать тѣ изъ нихъ, которыя касаются нашего здоровья. Когда же, не зная ихъ, мы спрашиваемъ медиковъ, для кого не ясно, насколько терпѣливы мы въ незнаніи того, что скрываетъ насъ отъ тайнъ неба и земли.

Глава XVII. *Что такое ошибка? Не всякая ошибка вредна. Счастливая ошибка Августина на распутіи.* Хотя нужно по возможности остерегаться ошибокъ не только въ большихъ, но и въ малыхъ дѣлахъ и хотя причина заблужденія лежитъ въ незнаніи; однако отсюда слѣдуетъ, что постоянно ошибается не тотъ, кто чего-нибудь не знаетъ, но тотъ, кто считаетъ себя знающимъ что-либо, что въ дѣйствительности не знаетъ. Онъ за истину принимаетъ

ложное, а это и значить ошибаться. При чемъ имѣеть большое значеніе и то, въ чемъ именно кто-нибудь ошибается. По отношенію къ одному и тому же предмету непредубѣжденнымъ разумомъ знающій предпочитается не знающему и тотъ, кто не ошибается, заблуждающемуся. Въ различныхъ же предметахъ, т. е. когда одинъ знаетъ одно, другой—другое, и одинъ—болѣе полезное, другой—менѣе полезное или даже вредное, въ такомъ случаѣ кто не предпочелъ бы незнающаго знающему? Есть нѣчто такое, что лучше не знать, чѣмъ знать. Равнымъ образомъ въ извѣстное время блужданіе для нѣкоторыхъ было полезно, хотя только блужданіе по обыкновенной дорогѣ, а не по пути нравственной жизни. И съ нами самими случилось, что мы заблудились на одномъ распутіи и не по тому мѣсту, гдѣ, выжидая паншъ проходъ, сидѣли въ засадѣ вооруженные донатисты; произошло такъ, что мы пришли окольной дорогой туда, куда держали путь, и кода были открыты козни, мы радовались тому, что блуждали и благодарили Бога. Кто поколебался бы такъ блуждающаго путника предпочесть не блуждающему разбойнику? И быть можетъ поэтому у извѣстнаго величайшаго поэта какой-то несчастный любовникъ говорить: „какъ я увидѣлъ, какъ погибъ, какъ я поддался злой ошибкѣ“ (Виргилій. Буколики. 8, ст. 41), потому что бываетъ и *добрая* ошибка, которая не только не вредитъ совѣзмъ, а даже приноситъ нѣкоторую пользу. Однако если вникнуть въ дѣло глубже, коль скоро ошибаться есть не что иное, какъ принимать ложь за истину и истину за ложь, извѣстное считать неизвѣстнымъ и наоборотъ (безразлично ложно ли оно или истинно) и коль скоро это въ дѣйствительности такъ же безобразно и непристойно, какъ въ утверженіи или отрицаніи „да, да, нѣтъ нѣтъ“ (Мѡ. 5, 37) намъ представляется красивымъ и приличнымъ; то въ самомъ дѣлѣ жалка наша настоящая жизнь, для сохраненія которой иногда необходима бываетъ ошибка. Дай Боже, чтобы такую

не была та жизнь, гдѣ сама истина есть жизнь нашей души, гдѣ никто не лжетъ и никто не обманывается. Здѣсь же люди обманываютъ и обманываются, и болѣе жалки они, когда лгутъ, обманывая, чѣмъ когда обманываются, довѣряя лжи. Однако разумная природа до такой степени огвращается отъ лжи и по возможности избѣгаетъ ошибки, что не желаютъ обманываться даже тѣ, которые сами любятъ обманывать; такъ какъ тому, кто лжетъ, кажется, что не онъ ошибается, но что другого, довѣряющаго ему, онъ вводитъ въ заблужденіе. И онъ, дѣйствительно, не ошибается въ томъ, что прикрываетъ ложью, коль скоро истина самому ему неизвѣстна, но ошибается, думая, что ложь ему не вредитъ, тогда какъ всякій грѣхъ болѣе вредитъ совершающему его, чѣмъ тому, кто отъ этого грѣха страдаетъ.

Глава XVШ. — 6. *Всякая ложь — грѣхъ, но по тяжести эти грѣхи различны. Не тотъ лжетъ, кто, не зная, говоритъ ложь, но тотъ, кто завидомую неправду выдастъ за истину.* Теперь возникаетъ весьма трудный и сложный вопросъ, по которому мы написали уже большую книгу, когда по необходимости намъ нужно было защищаться (отъ обвиненій). Долженъ ли иногда справедливый человѣкъ лгать? Нѣкоторые (присцилланісты) заходятъ такъ далеко, что и клятвопреступленіе, и ложь о предметахъ, касающихся почитанія Бога, даже о самой природѣ Бога иногда считаютъ добрымъ благочестивымъ дѣломъ. Мнѣ же кажется, что всякая ложь — грѣхъ, хотя большая разница — съ какимъ настроеніемъ и о какихъ предметахъ кто-либо лжетъ. Не такъ грѣшить тотъ, кто лжетъ съ намѣреніемъ помочь кому-нибудь, какъ тотъ, кто лжетъ, желая вредить, или столько же вредитъ тотъ, кто посылаетъ обманомъ путника на другую дорогу, сколько и тотъ, кто обманомъ портитъ дорогу жизни. Нельзя считать сознательнымъ обманщикомъ того, кто самъ свою ложь принимаетъ за истину, потому что въ душѣ онъ не обманываетъ, а самъ обманывается. Слѣдовательно, того, кто, неосторожно

повѣривъ лжи, считаетъ ее за истину, нужно обвинять скорѣе въ неосмотрительности, чѣмъ во лжи. И, напротивъ, обманываетъ тотъ, кто выдаетъ за истину завѣдомую ложь, такъ какъ въ душѣ онъ не то думаетъ, что говоритъ, и потому говорить не истину, хотя бы слова его и оказались случайно правдивыми; и никоимъ образомъ не свободенъ отъ лжи тотъ, кто устами говоритъ истину, не зная ея, или же, зная, намѣренно обманываетъ. Итакъ, если принять во вниманіе не самые предметы, о которыхъ что-либо говорятъ, а намѣреніе говорящаго, то лучше тотъ, кто говоритъ ложь по незнанію, считая ее за истину, чѣмъ тотъ, кто завѣдомо вводитъ духъ лжи, не зная, истину ли онъ говоритъ. У перваго чтò на умѣ, то и на языкѣ; у втораго же, каково бы ни было само по себѣ то, о чемъ онъ говоритъ, на языкѣ одно, на сердцѣ же скрыто другое; а въ этомъ собственно и заключается обманъ. Въ отношеніи же къ самымъ предметамъ, о которыхъ что-либо говорятъ, настолько важно, въ чемъ именно кто заблуждается или лжетъ, что хотя обманываться (поскольку дѣло касается воли человѣка)—меньшее зло, чѣмъ лгать, однако гораздо болѣе извинительно лгать въ томъ, что не соприкасается съ религіей, чѣмъ заблуждаться въ томъ, не вѣря во что, или не зная чего, нельзя почитать Бога. Для объясненія этого примѣрами обратимъ вниманіе на то, чтò бываетъ, если кто-либо, обманывая, говоритъ, что умершій живъ, и если другой, заблуждаясь, вѣритъ, что Христосъ по истеченіи нѣкотораго продолжительнаго времени снова умретъ: не гораздо ли лучше обманъ въ первомъ случаѣ, чѣмъ заблужденіе во второмъ, не гораздо ли меньше зла ввести кого-нибудь, въ ту ошибку, чѣмъ самому, благодаря кому-нибудь, впасть въ эту?

Глава XIX.— *Одна ошибка можетъ быть гибельнѣе другой, но всегда является зломъ.* Итакъ, въ иныхъ случаяхъ мы обманываемся большимъ зломъ, въ другихъ—

малымъ, въ нѣкоторыхъ—никакимъ зломъ не обманываемся, а въ нѣкоторыхъ обманываемся даже добромъ. Большимъ зломъ обманывается человекъ, когда не вѣритъ въ то, что ведетъ къ вѣчной жизни или вѣритъ въ то, что ведетъ къ вѣчной смерти. Малымъ же зломъ обманывается тотъ, кто, принимая ложь за истину, подвергается какимъ-нибудь временнымъ неприятностямъ, но съ помощью твердаго терпѣнія обращаетъ ихъ въ полезное благо. Подобно какъ, если кто-нибудь, считая дурного человека хорошимъ, терпитъ отъ него какое-нибудь зло. Кто же считаетъ дурного человека настолько хорошимъ, насколько не терпитъ отъ него никакого зла, тотъ не обманывается никакимъ зломъ, и не къ нему относится указанное пророческое проклятіе: *„горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ“*. Сказанное пророкомъ надо понимать по отношенію къ тому, благодаря чему именно люди—злы, но не по отношенію къ самимъ людямъ. Поэтому, кто прелюбодѣйство называетъ добромъ, (тотъ) дѣйствительно осуждается тѣмъ пророческимъ словомъ. Кто же называетъ добрымъ самого человека, котораго считаетъ непорочнымъ, не зная, что онъ—прелюбодѣй, тотъ ошибается не въ распознаваніи добрыхъ и злыхъ дѣлъ, но въ тайнахъ человеческого характера; онъ называетъ хорошимъ человека, въ которомъ, по его мнѣнію, есть несомнѣнное добро, и считаетъ зломъ прелюбодѣя и добромъ непорочнаго; даннаго же человека считаетъ добрымъ по незнанію того, что онъ—прелюбодѣй, а не непорочный. Если, далѣе, кто-нибудь, благодаря ошибкѣ, избѣгаетъ гибели, что, какъ сказалъ я, случилось и съ нами въ пути, то и изъ ошибки получается для человека вѣчто доброе. Но, когда я говорю, что кто-нибудь въ нѣкоторыхъ случаяхъ не обманывается никакимъ зломъ, или обманывается даже какимъ-либо добромъ, я называю зломъ и добромъ не самую ошибку, но то зло, котораго, благодаря ошибкѣ, избѣгаютъ и то добро, котораго черезъ ошибку достигаютъ. Сама же по себѣ ошибка есть зло, большое ли въ большомъ дѣлѣ или малое—въ маломъ, однако всегда—